

ДВ 85.143/6

А87

АРХАНГЕЛОГОРОДЕЦ НА АМУРЕ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Общественный институт истории Дальнего Востока

Архангелогородец на Амуре

Павел Лукич Фефилов

Хабаровск
2009

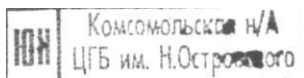
ББК 84(Рос-Рус)Л70

Ф31

Председатель редакционной коллегии серии
«Замечательные исследователи»
В.И. Ремизовский,
директор *Общественного института истории
Дальнего Востока (ОИИДВ)*

Архангелогородец на Амуре. Сборник материалов о деятельности и творчестве художника и краеведа Павла Лукича Фефилова, посвященный 80-летию со дня его рождения. - Хабаровск: издательский дом «Частная коллекция», 2009. - 32 с.

ББК 84(Рос-Рус)Л70

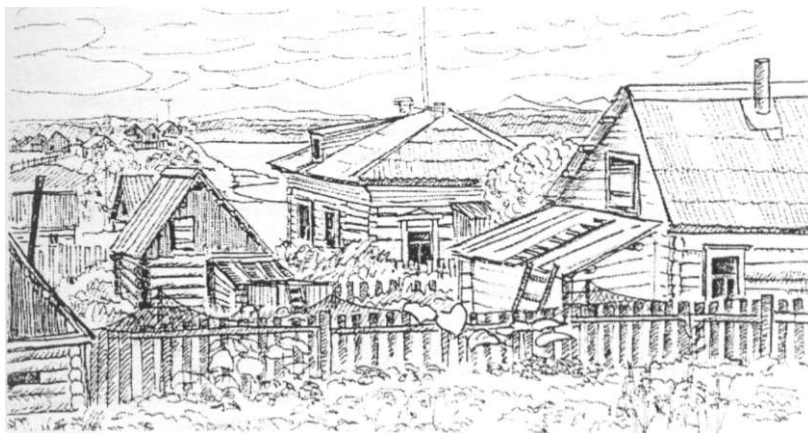
© Общественный институт истории Дальнего Востока, 2009
© Издательский дом «Частная коллекция», 2009

Фефилов страстно, самозабвенно увлекся и занялся краеведением, изучением края, его истории. За ряд изысканий и заслуги в исследовании Дальнего Востока... Фефилов был избран почетным членом Приамурского географического общества.

В. Лановенко,
заслуженный художник России

Павел Лукич с супругой Альбиной Александровной. 1986 год

Село Жеребцово. Рис. П. Фефилова, 1974 год

П. Фефилов.
Малые Карелы под Архангельском

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Лукич ФЕФИЛОВ. ГОДЫ, СОБЫТИЯ.	4
В. Лановенко. АРХАНГЕЛОГОРОДЕЦ НА АМУРЕ.	6
С. Вишнякова. ОБОСТРЕННАЯ СПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ И ЧУВСТВОВАТЬ МИР.	8
Е. Васильева. В ДЕНЬ БИБЛИОТЕК.	18
ПЛ. Фефилов. СТЕПАН ПИСАХОВ - МОЙ УЧИТЕЛЬ.	19
Литература ПЛ. Фефилова, о нем и его творчестве.	30

Художественный редактор *В.П. Буря*
Корректор *Г.Н. Морозова*

Лицензия ИД № 05245 от 02.07.01

Подписано в печать 16.01.09

Формат 60x84 1/16

Гарнитура *Myriad Pro*

Печать оперативная

Издательский дом «Частная коллекция»
680020, Хабаровск, 20, а/я 104/4
www.dvbook.ru

**Павел Лукич
ФЕФИЛОВ**

Друзья детства.
На снимке
(слева направо) -
Георгий Нечаев,
Павел Фефилов
и Павел Шестаков.
Архангельск, 1946 год

- 1929 г. (4 августа) Родился в городе Архангельске.
- 1948 г. После окончания Архангельского судостроительного техникума направлен в город Комсомольск-на-Амуре на судостроительный завод (АСЗ).
- 1962 г. Без отрыва от производства окончил кораблестроительный факультет Комсомольского-на-Амуре политехнического института.
- Начал заниматься в Комсомольской-на-Амуре городской студии живописи и графики.
- Принял участие в организации бюро эстетики АСЗ.
- 1970 г. В составе общественной редколлегии принимал участие в создании коллективной монографии об истории АСЗ «Амурские корабли».
- 1982 г. Участие в республиканской художественной выставке «50 лет Комсомольску-на-Амуре», посвященной юбилею города.
- 1986 г. В составе общественной редколлегии принимал участие в создании книги «Амурский характер».
- Избран действительным членом Географического общества.
- 1989 г. После ухода на пенсию работал инспектором-искусствоведом в Комсомольском-на-Амуре художественно-творческом комбинате.
- 1990 г. Избран ответственным секретарем Комсомольского-на-Амуре городского отделения Союза художников России.
- 1991 г. Первая персональная выставка живописных работ в Комсомольской-на-Амуре городской библиотеке имени Н. Островского.
- 1993 г. Принят в члены Союза художников России.

Павел Лукич Фефилов награжден медалями «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и «Ветеран труда», знаком ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства» (1957) и знаком «Отличник социалистического соревнования Министерства судостроительной промышленности», юбилейными знаками в честь 40-летия и 50-летия города Комсомольска-на-Амуре (1972, 1982), знаками участника Всесоюзных выставок самодельных художников в Москве (1967, 1974); лауреат Второго фестиваля народного творчества в Москве (1987).

- 1994 г. Избран почетным членом Приамурского Географического общества.
- Персональная выставка в залах Комсомольского-на-Амуре городского отделения Союза художников России.
- 1996 г. Избран председателем правления Комсомольского-на-Амуре городского отделения Союза художников России.
- 1997 г. Ученым советом Дальневосточной народной академии наук присвоено звание доцента.
- 1998 г. Вновь избран председателем правления Комсомольского-на-Амуре городского отделения Союза художников России.
- 1999 г. Ученым советом Дальневосточной народной академии наук присвоено звание профессора.
- Персональная выставка в залах Комсомольского-на-Амуре городского отделения Союза художников России.
- 2000 г. Участие во Всероссийской выставке «Имени Твоему», посвященной 2000-летию Рождества Христова (г. Москва).
-Третий раз избран председателем правления Комсомольского-на-Амуре городского отделения Союза художников России.
- 2002 г. Персональная выставка «Седой Мяо-Чан» (пос. Солнечный, Хабаровский край).
-Ученым советом Дальневосточной народной академии наук утвержден председателем Комсомольского-на-Амуре филиала ДВ НАН.
- 2009 г. Ученым советом Дальневосточной народной академии наук присвоено звание академика.

АРХАНГЕЛОГОРОДЕЦ НА АМУРЕ

Павел Лукич Фефилов из древнего рода архангельских поморов. В самом его происхождении, детстве, становлении личности - удивительная чистота северорусского типа. Детские впечатления, местный уклад жизни, фольклор, колорит Севера тогда уже формировали душу и характер будущего художника. Север! Отсюда пришел гений, русский Леонардо да Винчи Михайло Ломоносов. Здесь витал дух первооткрывателей.

Павел Лукич сумел отразить свой Север в творчестве. Его картины и этюды, где все в единстве с природой, церквушки и беспредельный простор северных лесов запечатлились и в сердце художника, и в холсте, и в натуре перед глазами.

В его становлении одно прикосновение к своему первому учителю в искусстве - Степану Григорьевичу Писахову - знаменательно и благотворно. Это художник, картины которого имеются в Третьяковской галерее, а в Архангельске - целая галерея его имени с его картинами. Писатель, получивший блестящее образование во Франции, посвятил свою жизнь Северу.

Павел Лукич искренний и трепетный пейзажист. Весна, талые воды, ручьи, первый снег, весенние звоны - тоже его излюбленные мотивы. Жесткие гребни Мяо-Чана, хмурые отроги Баджала, раздольные плесы Амура, разливы рек, подобные морям, - вот его сюжеты. Он не форсирует намеренно цвет - он деликатен в передаче природы, - стремясь при этом выразить не себя, а ее, растворяясь в ней. В этом стремлении он верен завету своего коллеги — художника Ли Гирсу. Изображая Приамурье, он часто создает ряд изображений одних и тех же мест. Набралась целая серия работ, писанных в селе Верхняя Эконь, где удивительные ландшафты. Здесь они часто писали вместе с художником Ли Гирсу, которого Павел Лукич благоговейно почитал и у которого учился не только профессиональной грамоте, но, что важнее и глубже, и некоему философскому пониманию природы. У Георгия Семеновича был свой взгляд на мир, своя система, целостная и гармоничная, с пониманием места человека в мироздании и места искусства в жизни. Серия его работ по Эконю вылилась в отдельную выставку, которая проходила в школе поселка Эконь.

...Задумок, этюдов и замыслов еще больше, чем ранее. Павел Лукич неутомимый хлопотун. Будучи председателем комсомольской организации Союза художников, он полностью погрузился в заботы, и эта миссия, эта «круговая оборона» времени для творчества оставляла скупо. Но все же перед нами трепетный певец Приамурья со своим голосом.

Фефилов страстно, самозабвенно увлекся и занялся краеведением, изучением края, его истории. За ряд изысканий и заслуги в исследовании Дальнего Востока в числе восьми представителей Хабаровского края Фефилов был избран почетным членом Приамурского географического общества. И Виктор Иванович Ишаев, губернатор, председатель общества, вручил ему соответствующий диплом.

А какое удивительное по глубине и дотошности исследование создал Павел Лукич в 1991 году при изучении жизни полярного исследователя Георгия Седова, который служил вначале у нас в Николаевске-на-Амуре! Скромнейшая по виду и изданию эта книжница - подлинная бесценная летопись тех лет. В ней - приказы, доклады губернатору края, прошения Седова с указанием на небрежение России к своим окраинам, планы и проекты их освоения.

С подлинным даром журналиста Павел Лукич пишет статьи о своих собратьях, коллегах-художниках. О Цивилеве, Заславском, Уфимцеве, Ли Гирсу, Лукьянове, Гутове... Он озабочен и стремится обобщить, упорядочить, привести в систему наследие. Здесь все важно - каждый штрих, каждая строчка, - ведь работа идет для истории».

Павел Лукич Фефилов в свои годы полон неугасаемой энергии. Полон замыслов творческих и исследовательских. Поздравляя сейчас его с юбилеем и думая о том, что именно такими неугомонными людьми держится российская земля, хочется воскликнуть: «Виват, Россия!», «Виват, Павел Лукич!».

Источник: В. Лановенко, заслуженный художник России. // «Приамурские ведомости» (г. Хабаровск), № 132,4 авг. 1999 г.

ОБОСТРЕННАЯ СПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ И ЧУВСТВОВАТЬ МИР

Род Фефиловых древний. А начнем биографию Павла Лукича с бабушки Елены Федоровны Чугаевой (Вдовина - в девичестве), ибо она была главным воспитателем, просветителем внуков. Через ее красочные рассказы, полные волшебства и таинственности с одной стороны, суровой правды - с другой, дети познавали историю своей семьи, историю Северинии. Неграмотная, вместо росписи она ставила крестик, но обладала отличной памятью. Она рассказывала, как обрабатывала лен, как в монастыре четыре года жила и работала скотницей. Вышла замуж за крестьянина Чугаева, да недолго счастье длилось. Судьба лихая выпала ему: обвинили по ложному навету в поджоге сена и определили пожизненный срок неволи. Елена Федоровна была смелой, энергичной, решила разделить тяготы каторжной жизни со своим мужем, пошла с ним по этапу. Но в Архангельске ее вернули, разлучили с мужем; так она стала «соломенной» вдовой.

Жила Елена Федоровна в Кевроле (прежде был городом), что старше самой Москвы более чем на пятьдесят лет, в нем даже размещалось воеводство.

В околотке Грибово жил Иван Александрович Фефилов, рубил дрова, плотничал в селе Шардонемь, где и познакомился с Еленой Федоровной. Приглянулась ему «соломенная» вдова, и посватался он к ней, усыновил Андриана. «Вдова» так и осталась Чугаевой, не разведенной, родила двух сыновей от Ивана Александровича - Луку и Петра.

Дом деда стоял у самой Пинеги. Красивое место: высокое небо, хрустальная вода, вольный ветер в обнимку с запахом сосны, дороги, убегающие вдаль, и дивные ковры, сотканые Природой из цветов и сочной зелени. В 1933 году семью Фефилова раскулачили, обобрали до нитки, пришлось переехать в Архангельск к сыну Луке.

«В 1920 году отец, отслужив в армии, приехал в Архангельск, - делится воспоминаниями Павел Лукич, - купил дом. Мне и года не было, когда умерла мать. Отец присмотрел Елизавету Константиновну Башмакову, она так Башмаковой и осталась, заменила мне родную мать, доброй души человек».

Природа, окружавшая мальчика Павла, очаровывала, входила в кровь, как необходимый витамин для жизнедеятельности, для расцвета будущих художественных способностей.

Однажды в доме появилась картина «Золотая осень» академика живописи Киселева, вернее ее копия, выполненная отцом Павла и повешенная им на стену, рядом с книжным шкафом. Она волновала, притягивала к себе. Мальчик просыпался и шел к картине, он рассматривал каждую деталь, как черты родного человека.

Лука Иванович построил яхту, и на ней вся семья отправлялась в плавание по рекам и озерам Архангельского края. К ним присоединялась семья Щербаковой Лидии Константиновны, сестры мачехи, с мужем Дмитрием Алексеевичем. Облюбовав уголок Природы, взрослые рисовали красками, карандашом умело, вдохновенно, успевая отвечать на детские вопросы.

Вечерами домашние художники расставляли вдоль стен живописные рисунки, этюды, рассматривали их, высказывали замечания. Дети слушали и, подражая взрослым, оценивали мастерство своих родителей. Затем Дмитрий Алексеевич садился за пианино, и вот уже другие краски, запахи, звуки волновали, уносили далеко.

Но так продолжалось недолго, солнечные звуки были похищены, волшебный мир исчез с приходом 1937 года. 17 декабря арестовали отца как врага народа. Причина ареста: служил в белой армии. 9 января 1938 года Луку Ивановича расстреляли. И осталась Елизавета Константиновна с малыми детьми, с тяжелой душевной ношей, безмерным горем.

«Моя мама - мужественный человек, - рассказывал Павел Лукич, - не пала духом, сумела нас, детей, воспитать, дать образование. На меня оказал большое влияние Дмитрий Алексеевич, - продолжал свой рассказ художник и писатель П. Фефилов, - он готовил меня к будущей взрослой жизни: научил подшивать валенки, паять кастрюли, лудить самовары, работать с деревом, мастерить табуретки, столы, рамы, украшать их резьбой, обучил мастерству фотографирования, брал с собой на охоту, на рыбалку. Дмитрий Алексеевич был моим наставником, духовным другом, советником. Он учил: мужчина - это защитник, добытчик, на нем лежит благосостояние семьи».

Павел Лукич рано стал зарабатывать на хлеб, совмещая учебу в школе, а затем в судостроительном техникуме, изучал и коммерческое дело, как это сейчас трактуют. Две навигации работал в рейдовом флоте в Глав-

севморпути учеником рулевого, загружал суда, которые уходили в Арктику. Дома шил тапочки. Лидия Константиновна трудилась на обувной фабрике, она-то и помогла определиться племяннику. У Щербаковых сгорел дом во время войны, пришлось потесниться: вместе легче перенести военное лихолетье.

По приглашению профсоюзной организации индустриального техникума вместе с друзьями Павел устраивал вечера танцев: Виктор Чудинов играл на аккордеоне, Георгий Нечаев - на балалайке. Павел переоборудовал приемник СИ-235 под радиолу. Когда радиола отдыхала, аккордеон и балалайка играли. На все праздники их приглашали.

Так подростки зарабатывали деньги, которые тратили на девчат: конфетами угощали, мороженым, приглашали в кино, в театр. Юноши были независимыми от родителей благодаря мастерству и трудолюбию.

«Я дружил с однокурсником Михаилом Алексеевичем Оводовым, жителем села Лявле, - вспоминает Павел Лукич. - Он столовался в нашем доме. А летом наоборот: я гостил в их семье, наслаждался деревенской жизнью... Дом был богат слесарными и столярными инструментами, которые помогали нам проводить время творчески; мы постоянно что-то мастерили, конструировали. После окончания техникума меня и Оводова направили в Комсомольск-на-Амуре, где мы вместе работали на судостроительном заводе».

Казалось бы, жизнь такова, что не до живописи... Но все чаще мальчик останавливался перед картиной «Золотая осень». Это была память об отце, о светлом безмятежном детстве, как будто художник Киселев рисовал для Павла и про него.

Вначале Павел маслом писал головы лошадей с открыток, лица девчат, соседей по улице, рубленые дома, храмы.

Во время войны у Фефиловых квартировал летчик-истребитель, командир эскадрильи, он занимался живописью. Но, видимо, мастерства не хватало, потому что брал уроки у Степана Григорьевича Писахова - знаменитого художника и сказочника, который жил по соседству.

Писахов объездил весь Ближний Восток, но посвятил свою жизнь Северу. Как-то раз, когда Павел стоял в молчании перед любимой картиной, как перед иконой, летчик подошел к нему, тронул за плечо:

- Пойдем со мной...
- Куда?
- К Писахову. Тебе это необходимо.

Художник благодарен Судьбе, что родился и рос среди людей добрых, красивых, и они научили его умению радоваться жизни. Эту науку Фефилов пронес через всю свою нелегкую жизнь. И сегодня, уже в возрасте, все также взволнованно радуется солнцу, небу, каждой художественной выставке своих товарищей, новому таланту открыто, просветленно.

Еще в годы учебы в техникуме Фефилов понял, что не надо выдумывать какие-то особенные сюжеты, надо искать красоту и поэзию в обычных, хорошо знакомых вещах и явлениях. Он не только много писал с натуры, но и стремился овладеть общей культурой. С жадностью читал Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Чехова. Через поэтическое слово открывалось многое в понимании композиции и в выражении чувств. Показателен в этом смысле цикл картин о цветах. Художественный строй полотен, колорит и композиция выдержаны в определенном ритме и вызывают прямые стихотворные ассоциации.

Радостно удивляться цветам Фефилов умеет («Сирень в кувшине», «Сирень», «Гортензия» и др.). Художник изображает цветы, а те рассказывают о художнике, его характере, отношении к жизни, к людям.

Павел Лукич утвердился в Комсомольске, прежде всего, как певец Приамурья, Дальнего Востока. Его кисть словно впитала в себя аромат Амура.

Каждую работу он строит в определенном ключе, используя обычно небольшое количество основных тонов, дополняя их множеством полутонов и цветовых нюансов. Пишет он свои картины прямо с натуры в холст. Но это отнюдь не означает, что творческий метод его прост, лишен продуманности. Наоборот, говорит он не только о зоркости глаза и тщательном изучении натуры, но и о неустанной работе творческой мысли.

Вот холст «Березовая роща». Эта картина - подлинный пейзаж настроения. Не рассказ о событии, а чувства, им пробужденные: радость и грусть, переданные красками.

Павел Лукич подвергает аналитическому изучению освещение, воздушную среду, краски природы. Ему удается передать предрассветный час, когда горы погружены во мрак и только на небе загораются облака; утренний сиренево-молочный туман, окутывающий дальние предметы; падающий мягкий снег, такой густой, что сквозь него еле просматриваются очертания гор; наконец, ослепительно палящее полуденное небо.

Художник открывает прелесть темно-зеленой лесной чащи, сквозь которую едва видны просветы неба.

Панорама «Утомленное солнце» растянута. Такой формат объясняется необходимостью усилить ощущение шири, перевести на язык живописи поэтическое влечение в бесконечную даль. На переднем плане солнце отражается в реке, словно смывает жар души и раскаленного тела. Голубое небо с розовым отливом, белые легкие облака повисли над сопками, над водным пространством, жаждут прохлады.

Фефилов любит изображать лесные чащи («Сосны у деревни Красное», «Весенний лес»), пронизанные лучами солнца; состояние природы вечером («Вечер на Амуре»), разное время года («Зимний лес. На Амурской сопке», «Осенний лес», «Март на Хурбе»). Краски его палитры густые, переливающиеся. Мазки, виртуозно наложенные один на другой, подчеркивают влажность воздуха весной, прелесть осенних дней.

В работах «Туман рассеивается», «Поздняя осень» состояние природы передано с изумительным чувством и мастерством. Как непохожи изобразительные средства в той и другой работах и как в каждой из них они соответствуют мотиву! Мягкость, размытость, сплавленность контуров в «тумане» и изящество линий в «осени»... Какая утонченность и точность в ажуре деревьев, как передана прозрачность, кристалльность как бы замерзшего осеннего воздуха! И главное - ощущение осени. Ясность далей, бледное небо, свежесть, тишина -

Художник прославляет Природу не только в торжественных и воздушных гаммах - он посвятил ей много задушевных, сердечных картин-песен: «Село Тыр», «На реке Ургал», «Осенний этюд на Экони» и др.

Горы дождались своего художника. Он вышел на арену искусства из густых приамурских лесов и заснеженных гор. Фефилов нашел в горах свою красоту, о которой поведал миру. Приобрел редкое мастерство - умение перенести горы на картину. Да как перенести! Так, что самая маленькая складка, маленький изгиб на холсте виден, и от них тянет духом скал и хвои, духом глубокой древности.

Красота, которую передает художник, особого рода. Он точно следует натуре, использует живописный анализ и создает подробнейший рассказ.

Едва ли не половину жизни провел художник в лесу, в горах на этюдах. Фефилов видит горы эпически и изображает их богатырскими, стра-

АРХАНГЕЛОГОРОДЕЦ НА АМУРЕ

жами земли Приамурской, земли древней, хранящей в недрах несметные сокровища, космическую тайну.

Горы Фефилова не просто пейзажи, это мощь окраины России, благодатная сила, суровая красота. Они так похожи на самого художника, непреклонного, сурового, словно высеченного из гранита, и по-детски восторженного. Могучие горы вызывают не только восхищение, они пробуждают мысль.

«Безымянный ключ». Свободно, вольно и плавно, как белые лебеди, проплывают в воздухе облака мимо величественных гор, внизу журчит небесная влага.

Расположение предметов и световых пятен создает равновесие композиции и утверждает ее картинный характер. Общая голубовато-синеватая с зеленоватым красочная картина, так хорошо выражающая идею, строится по классическому принципу ослабления и высветления цвета в глубину. Небо, голубовато-синеватое вверху, держит первый план, и этому соответствует голубой цвет воды с синими тенями внизу.

Белые облака - и над ручьем, и над елями, они обнимают две горы, соединяют в единую суть; они проплывают ниже вершин величественных гор и таким образом как бы подчеркивают их головокружительную высоту. Великаны разделены еле заметным ручейком, который, по сравнению с ними, кажется хрупким, и потому боязно, что такая громадина горной цепи может растоптать стремительную жизнь текущей материи.

Но это только кажущаяся беззащитность. Речистая вода весело струится по каменистому дну, своим голосом оживляя неприступные горы, согревая еще не освободившуюся от снега береговую кромку. И кажется, что горы - это натруженные ладони художника, бережно охраняющие чистоту источника.

Фефилов - прежде всего, певец земли очеловеченной, служащей прекрасным лоном для дел людских. Он стремится запечатлеть ее в целом. Такова «Гора Шаман», открывающая безграничные дали родного пейзажа во всем его величии и многоликости. Прибрежные плесы и горы окружили Амур, образовав озерную гладь. Горы окутаны клубящимися белыми облаками; движение и ритм их подчеркнуты контрастом светлых, теплых и холодных красок. Лучи солнца вырывают причудливые формы, придавая происходящему еще больше живописи. Складки гор окрашены в белые, сиреневые, синие цвета, раскрывают величие и красоту Земли, создают торжественный гимн Природе.

В правом нижнем углу притулились низкие домики, совсем как игрушечные, по сравнению с горами и водной гладью. Несмотря на хрупкость и беззащитность, они не кажутся чужими среди необъятных земных и небесных пространств.

«Недра Мяо-Чана». На темно-синем небе белеет маленькое солнце, оно разбросало свои сияющие лучи по горным изгибам. Горы все испещрены зеленоватыми складками. Кольцевые ступени читаются как страницы книг; стоит приподнять любое кольцо, и можно увидеть минеральное царство.

Острота впечатлений чувствуется в цвете - пронзительном и чистом, в том, как широко, многопланово строит художник композицию. Он стремится передать даже не пространство, а объем, ощущение космичности мироздания. И действительно: фантастическим воспринимается пейзаж. Лишь вертолет, приземленный на круглой площадке, да крошечные домики напоминают нам о том, что действие происходит на Земле.

«Пробуждение Чалбы». На темно-синем небе маленькое солнце, оно только проснулось, и его дыхание пульсирует кругами, словно кто-то бросил камешек в воду. Внизу, на первом плане, голубые холмы с синими тенями. Центр - пробуждающиеся Чалбы, окрашенные в красный цвет - цвет жизненной силы. Какое предрассветное цветение, какое равновесие сил в Природе! Узенькая дорожка, как ручеек среди каменной долины, петляет, торопится на встречу с елками, которые вкуче встречают первые лучи восходящего солнца.

Художник придает почве и первому плану большое значение. Мастер знает, что от выполнения первого плана зависит, чтобы каждая часть пейзажа встала на свое место. Он выбирает пониженную точку зрения, чтобы благодаря перспективным сокращениям выявились все неровности Земли, ее геологическая структура. Он замечает и выявляет общую закономерность в неровностях, похожих на вздымающиеся волны. Художник рассказывает зрителю, что земля, по которой ступает человек, имеет материальный объем, а в ее холмистых формах заметно действие сил Природы.

«В долине Чалбы». Пространство изрезано холмами. Высокие горы, как стражи Земли. А над ними огромное небо, маленькое солнце, от которого веером разлетелись розовые лучи и осветили воздушный океан. Только небо и только горы. Гармоничен и открыт цвет в картине. Белый, голубой, розовый... чередуются друг с другом, повторяются один в другом, они звучат подобно инструментам большого оркестра.

Давая свободу воображению, художник П.Л. Фефилов творит поэмы об Амуре, о водной стихии, о небесном и воздушном пространствах, о дальневосточных горах («Тырский утес», «На реке Ургап», «Ключ Хрустальный»), Эти работы поразительны по силе воздействия. В них нет ни нагнетания тональных пятен, ни размазанности формы, ни сухой контурности; в них присутствуют гармоничная строгость, ясность видения, они создают ощущение полноценной картины мира. Сердечность и неподдельное волнение освещают его творческий путь.

«Приамурье мое». В пейзаже исполнена звуковая переключка неба, Амура, гор. Кучевые облака, волнистые сопки и движение амурской воды гармонично соединились и творят величавый гимн, в котором воспеваются бесконечность, мудрость, вечная жизнь. И человек яснее ощущает свою стать, когда смотрит на «Приамурье мое». Ощущается желание высунуться, взлететь и обозреть эти дивные просторы. Горизонтальные волнистые линии сопок создают ощущение движения твердой материи, ее устремление к Амuru. Постойте у полотна «Приамурье мое», подышите воздухом, которым оно наполнено, и вы освободитесь от болей, метаний, вам станет легче и вы поймете, что красота - это жизнь, разлитая в Природе.

Великолепен «Тырский утес». Великолепен! Из свинцовых облаков брызнули лучи Солнца, и все кругом заиграло, заулыбалось. Белым светом освещены и горизонт, и голубые сопки, и зелень Тырского утеса, и рододендрон у одинокого сельского дома.

Люди породнились с землей, морем своим трудом, своей судьбой. И художник един с этими просторами, память о них живет в его картинах, живет свято.

Откуда такая убедительность у живописца? От проникновенного постижения жизни, раздумий над прошлым и настоящим, от подлинной близости натуры. От точно взятого состояния.

П.Л. Фефилов стремится к точности постижения натуры, открывает в ней сокровенное теми средствами, которые позволяют ощутить и нежность серебристой гаммы апреля, и робкое дыхание весеннего деревца, и захватывающую ширь российских просторов.

«Пейзаж с ирисами», «Весна в Приамурье», «Унгунский простор». В этих полотнах художник создает картины радостного звучания, полные жизни, солнца, напоенные светом и воздухом.

«Березки». Пейзаж писан прямо с натуры в холст. Но какой удивительный мощный образ, как красочно выражен мотив Родины! Простые средства, скромный сюжет, но с какой любовью все это воспето!

«Силинка вскрылась» - поэтическое создание художника. Лиризм. Какая прозрачность, теплота! Тонкие деревца стоят на берегу Силинки, отражаясь в талой воде, их трепещущие отражения колеблются. Река еще не совсем освободилась ото льда, еще держится у берегов хрупкий ледок. Дышится легко. Ни одной фальшивой ноты, ни одной случайной линии. Такая пленительная образность природы, такая чистая мелодия весны!

«Сирень». Множество цветов на ветках, но нет двух одинаковых; каждый изображен в сложном повороте, только присущем ему одному. В сирени отражается голубовато-сиреневатое небо. В кружево цветков вплетены не только плавные линии, но и свет, и воздух, и душа поэта-художника.

Павел Лукич, став комсомольчанином, не забыл свою Северную Родину: Архангельск и деревни этого края, в которых так любил встречать восходы и закаты летнего солнца, бродить по тропам, вдыхать свежесть лесов, умываться росой, наслаждаться упоительной тишиной. Он приезжал и летом, и зимой в свою Северинию и посвятил ей ряд работ.

Влюбленный в мир сельской тишины, где Природа и человек живут в добром согласии, он одухотворенно передал облик родного края, открыв богатство рефлексов на зелени деревьев, наполненность воздуха влагой. Павел Лукич мечтает выработать такой язык живописи, который был бы близок самой Природе, чтобы лес на его картинах «говорил». Действительно, работая на природе и заканчивая композиции в мастерской, художник стремится, чтобы не терялось то чувство подлинности, которое возникло при созерцании Природы.

«Сосны у деревни Красное». Поляна, населенная нарядными раскидистыми соснами, трава, напоенная соками Земли, свежа и не примята. Сквозь пышную листву пробивается голубое небо, чистое, прозрачное, освещенное лучами дневного светила. Желтоватым светом озарены деревья, тропинка. Воздух напоен ароматами трав, теплом, легко и свободно дышится.

«На Белом море». Море действительно белое, зеленоватое у берега. Морская стихия выбросила на берег поверженную лодку, словно разбитый живой организм. Волны бьются о берег, омывая «покойника» - лодку,

прибрежные валуны, как люди, волнуются и тоскуют. На горизонте, под стать морю, голубовато-беловатые сопки. А над всем этим нависло желтое небо, оно смягчает беду, вселяет пока неясную надежду. Краски настолько чисты, что кажется, будто самые дальние горы прозрачны, как цветное стекло, а свет не только пронизывает их, а размывается по всей картине.

Как прекрасны, нежны, музыкальны акварели Фефилова, они дышат, общаются со зрителями, у них речь плавная, мелодичная. Цвет льется, струится, как река.

Павел Лукич любит начинать с предварительных прозрачных заливок теплыми тонами. Например, «Амурские дали», «Осень», «Багульник цветет». Художник накладывает легкие, почти прозрачные мазки, чтобы потом нанести еще несколько слоев краски. Не случайно первая прописка сделана теплым тоном, а остальные - холодным. Возникает эффект просвечивания нижележащего розового цвета. Он широко использует контрасты теплых и холодных цветов, взаимно-уравновешенных и потому создающих впечатление колористической цельности.

«Амурские дали». Пришла Весна, и Земля оделась в зеленый наряд. Зацвел багульник и оживил картину новыми красками. Но в горах - зима, лежит снег. Небо заснеженное, но уже успело принять розовый цвет в свою бездну. Озеро затаило дыхание, прислушивается к весенним голосам. Хорошо переданы свет, воздушная среда, глубина пространства.

ПЛ. Фефилов - мастер пейзажного рисунка. Его перо - всемогущее и покорное воле художника - оставляет на бумаге яркие, сочные образы сосен, валунов, храмов, зеркало спящего озера, очарованную ель, пушистую молоденькую березку, летящие облака, восход солнца.

Тоненько рисует перо графика узорчатую решетку Никольской церкви на Пинеге, встречу Амура и Уссури. Рисунок вбирает в себя ширину горизонта и толщину воздуха, пронизанную солнцем, и дерево с хитрым плетением веток... Главная тема графика - тишина. Внешне спокойная жизнь Природы, но какое кипение внутри, клочкотание невидимых сил! Озеро внешне спокойно, но опусти руку в ее воды - и ты ощутишь непреодолимое течение. Амур и Уссури стоят в воде, они спокойны, но какая горячая волна струится по их жилам!

График открывает нам, зрителям, царственный облик Природы, полный величия. И мы, смущенные душой, испытываем нашу несоизмеримость с нею, взираем на нее со смиренным восторгом.

Интересен и цикл работ о русском зодчестве. Изображая старинную церковь, палаты, крепостные стены, художник обращает внимание на их слитность с пейзажем - ведь древние зодчие всегда видели архитектуру в единстве с Природой.

Источник: С. Вишнякова. Обостренная способность видеть и чувствовать мир // Писатели города Комсомольска-на-Амуре. Творческие портреты. Книга четвертая. Авт.-сост. С. Вишнякова. - Комсомольск-на-Амуре: «Со-Весть», 2007. - С. 362-378: порт.

В ДЕНЬ БИБЛИОТЕК

27 мая в библиотеке Белого Городка <...> открывалась выставка Н.С. Панова. Этот человек по-своему уникален. Он делится своими знаниями и талантом с молодой порослью, не жалея своих сил и здоровья. Он умеет хранить дружбу.

На заводе имени Ленинского комсомола в Комсомольске-на-Амуре, куда он попал по распределению, работало много талантливых художников, которые образовали художественное бюро. Сегодня этих уже молодых людей разметало по всей стране, но они поддерживают друг с другом связь. Уже не первый год Николай Спиридонович, открывая свою очередную выставку, знакомит нас с работами своих друзей.

В этот раз представлены графические работы Фефилова Павла Лукича и, несмотря на то, что с этим художником нас разделяют 12 тысяч километров, его работы нам очень близки. Почти конструкторская четкость графики Фефилова контрастирует с пастелями художника Панова. Живые пейзажи средней полосы и некая суровость Дальнего Востока дополняют друг друга.

Порадоваться успеху друга пришел Сергей Иванович Грибков, а Владимир Иванович Матюхин посвятил ему свои стихи.

Находясь в такой непринужденной обстановке, понимаешь, что библиотека - это центр, куда собираются друзья, которых объединяет духовная близость.

Источник: Е. Васильева. «Кимрская независимая газета» (Тверская обл.), № 21,1 июня 2006 г.

Пл. Фефилов

СТЕПАН ПИСАХОВ - МОЙ УЧИТЕЛЬ

ДОМ НА ПОМОРСКОЙ

Жил этот великий художник и писатель, интеллигентный человек старого времени, большой любитель природы сурового Севера, на нашей улице Поморской № 27 в двухэтажном доме, во дворе которого был небольшой флигель, где жила его сестра. В доме размещалась его творческая мастерская. Мы первоначально проходили темные и широкие сени, затем прихожую, тоже плохо освещенную и, наконец, открывалась дверь в мастерскую... Она была светлой, с высокими потолками, на стенах мастерской висело множество этюдов разной величины. В этой обстановке Степан Григорьевич, в сине-сером фартуке, выглядел добрым, сказочным кудесником, смешливый, с хитроватым взглядом из-под заросших седых бровей, таким требовательным и разговорчивым мастером. Его интересовало: есть ли у тебя интерес к рисованию? С кем живешь и кто твои родители? Я пояснил, что рисую дома, что мой отец и его старший брат занимались живописью, что пользуюсь красками, оставшимися от отца. Что живу с мамой, сестрой и бабушкой, что отца и его брата забрали в 1937 году и о них мы ничего не знаем...

Наш дом был по улице Поморской № 62, это в двух кварталах от его мастерской. В годы войны мы жили двумя семьями - наша и семья маминной сестры. В доме остался один взрослый мужчина, муж сестры - Дмитрий Алексеевич Щербаков, человек разносторонних увлечений, который занимался как любитель живописью и музыкой, слесарным делом и охотой. Для нас подростком был истинным отцом, научивший многому.

Когда узнал Дмитрий Алексеевич, что я хожу в мастерскую к Писахову, он сказал: «Учись, парень, под старость хлеб будет». Оно так и получилось, я начал рисовать с семи лет и рисую по сей день.

...Постучавшись, я входил к Писахову в мастерскую... Здравовался... «Ну, входи! Садись и берись за работу...» Он изредка поглядывал, что я делаю. Как-то я не являлся недели две. Степан Григорьевич спросил меня: «Чего не приходил?» «Болел», - ответил я. «Ну, и поболеть-то тоже иногда надо. Приходи. Рисовать не бросай», - говорил он.

Иногда я задумываюсь, как важно вовремя поддержать подростка! И Степан Григорьевич возбудил во мне интерес к живописи, к Северу, к его многочисленным экспедициям Г.Я. Седова, В.А. Русанова и других.

<...> Кто не знал на нашей улице Писахова? Казалось, знали все. Это он, в черной шляпе и драповом пальто, маленького роста старичок с

пышными усами и выступающими из-под шляпы седыми волосами, медленно ходил по деревянной мостовой, раскланиваясь со своими знакомыми. Его можно было видеть с сумкой, с палагуньем-ведерком, с таким тогда ходили за молоком на поморский рынок.

Не так давно, в Архангельске, я купил подборку фотографий «Архангельск. XX век в лицах». В подборке имеется фотография С.Г. Писахова 1950-х годов, где художник разговаривает на проспекте Павлина Виноградова у ресторана «Полярный» с известными в городе людьми: капитаном Юрием Жуковым и журналистом Зиновием Шадханом. Писахов держит в руках авоську и уже тогда ходил с тросточкой. На мой взгляд, это очень характерная фотография, отображающая облик художника в обывательской обстановке. Кстати, не так уж много сохранилось снимков С.Г. Писахова и его семьи. Даже в фондах Архангельского краеведческого музея фотографий с участием его всего несколько. Не густо? Очень жаль, если растеряно и не сохранилось его фото-наследие.

Журнал «Слово» (№ 12 за 1989 г.), опубликовал очерк Арсения Ларионова «Тяжёлая опала», где есть одна из последних фотографий Степана Григорьевича, а также фотография в кругу семьи, где он в кадре со своими сестрами Таисией и Серафимой, матерью Ириной Ивановной. Вспоминал сам Писахов: «Мои деды и бабка со стороны матери родом из Пинежского района» (предисловие, к его сказкам, изданным Северо-Западным издательством, Архангельск, 1978, с. 11.).

<...> Отец Писахова, Григорий Михайлович, очень любил своего сына и поддерживал его в устремлениях. Он дал ему отличное образование, отправил учиться за границу осваивать уроки живописи, а дочерей держал в строгих правилах того времени... Поэтому Степан имел возможность учиться во Франции, Италии, бывать в странах Ближнего Востока. После длительных путешествий, он сделал для себя вывод: «Лучше и краше Севера ничего на свете нет!»

Григорий Михайлович Писахов был широко известным в городе ювелиром, имел ювелирный магазин, первоначально являлся купцом 2-й гильдии, затем получил первую, имел возможность финансировать учебу и поездки своего сына, на что указывает список лиц, занимающихся торговым промыслом в г. Архангельске за 1897 год. (Порядковый номер 17, см. Ф. 50. Оп. 3. Д. 675. Л. 5. Госархив Архангельской обл.).

В списке домов в Архангельске и их жителей в 1910-1914 годах значится по улице Поморской № 15, двухэтажный деревянный дом с магазином и флигелем купца Григория Михайловича Писахова стоимостью имущества 3300 рублей. В связи с застройкой улицы Поморской в советское время дом имел номер 27. Вместе с тем есть сведения, что значительно

ранее семья Писаховых проживала на Троицком проспекте, а уже затем перебралась на Поморскую улицу.

Сестра Таисия была старше Степана на один год, а Серафима - младше на пять лет. Именно Серафима Григорьевна ухаживала за братом в годы войны, именно ее я и запомнил, приходя к художнику домой. А. Ларионов писал: «Случалось, что он тяжело бедствовал, голодал, и кто знает, как бы протянул свой век, если бы не заботы сестры Серафимы Григорьевны, которая долгие годы жила с ним одним домашним очагом»...

Вспоминаю как у меня произошла встреча с жительницами дома на противоположной стороне. В 1982 году я рисовал на память дом художника. Ко мне подошли женщины и спросили: «Почему Вы рисуете дом Писахова, а наш не рисуете? Мы ждем, когда его тоже будут сносить...» Я им пояснил, что когда-то бывал в этом доме у Степана Григорьевича. Мне бы хотелось, чтобы сохранился этот дом. Ведь перевозили же другие дома, кстати стоящие по-соседству?

Дом-мастерская художника под угрозой полного уничтожения. И все-таки очень жаль. Ведь смогли же сохранить дом художника А.А. Борисова в Красноборске, и туда едут сотни туристов. А вот на Писахова духу не хватило? Отчего же такая немилость?

Тогда же я обратился к искусствоведам Архангельского художественного музея и попытался поговорить: нельзя ли выступить против разрушения дома Писахова? Мне ответили в музее: «Надо прожить еще 50 или 100 лет, чтобы в городе все забыли «грехи» опального художника! А что дом... обыкновенный дом на Поморской. Таких сотни».

Мой рисунок оставляет память об облике дома-мастерской художника. Он даже в весеннее, мокрое время выглядел прекрасным, ибо напоминал, что здесь трудился и переживал невзгоды творец огромного живописного и литературного потенциала. Он очень много сделал, пропагандируя красоты и богатства северного края. В его доме бывали известные художники и писатели, искавшие общения с блестящим знатоком Беломорья, а сам он имел долговременную переписку со многими из них.

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Мастерская - это творческая «исподняя рубаха» мастера. Мне помнится, вся мастерская была завешана этюдами. Это не просто этюды, а небольшие картины парусных шхун с серебристо-зеленой водой, такие как его «Парусники у рыбной пристани, 1912 год». Очень яркие северные

закаты на Новой Земле. Я обратил внимание на длинный, узкий холст «Закат на Новой Земле с силуэтом памятника Ленину». Я не знал, почему выбран такой вытянутый пейзаж и чем он Писахова заинтересовал?

Речь идет о «Памятнике Ленину на мысе Желания». Пейзаж выполнен на фанере маслом в 1943 году. Размер 38 x 112 см. На левой стене мастерской висели этюды с мотивами южных стран: Египта, Турции, Абиссинии, где присутствовало много охристых цветовых отношений, много солнца и голубого неба. Похоже, небо он замешивал на берлинской лазури, впоследствии довольно редкой краске.

Громадных холстов в мастерской Степана Григорьевича не было. У мольберта стояло с высокой спинкой кресло желтоватого цвета, похожее на царский трон с боковыми полочками справа и слева. Его любимые коты: серый, белый, черный - а их было четыре или пять - запрыгивали на полочку и сидели за спиной художника, как бы наблюдая за его работой. Степан Григорьевич был похож на философа, мага-кудесника, смешливого и озорного с искрящимся хитреньким взглядом. Он говорил немного и не всегда четко, а иной раз скороговоркой, по сказкам и его холстам видно, что фантазером он был неисчерпаемым. Внимательно слушал ответы на свои вопросы. Одевался традиционно в темно-синий халат, накидывал серый фартук, когда работал у мольберта. Когда я приходил в мастерскую, то видел, что он часть этюдов перевешена, приближены к новым холстам, над которыми работал.

Не раз Степан Григорьевич делал мне замечание, подправлял, особенно когда я брал на кисть ультрамарин.

«Оставь ультрамарин! Эта краска - настоящая проститутка, она тотчас испортит всю твою работу» - говорил он.

Признаюсь, тогда я еще не знал, что означает слово - проститутка! Я внимательно присматривался к его палитре, наблюдал, как он растворяет краски, как их смешивает, как выкладывает на палитре. Уже позднее я понял, насколько эти процессы важны для настоящей творческой художественной деятельности.

Много лет я вспоминаю его холсты. Как-то в 1990-х годах я зашел на выставку Писахова, на второй этаж Марфинова дома, и ахнул! Писахов был представлен в лучшем виде.

«Что Вас взволновало?» - спросила женщина-зритель. Я ей более двух часов показывал и рассказывал, какие работы и где висели у Писахова, а она всё это записывала.

Вспоминаю его холсты с северными белыми ночами, с одинокими сонами на берегу Белого моря, с камнями на скалах, с пестрыми лишайниками.

Для Писахова не было запретов на участие в экспедициях, поездки на Мурман, на Новую Землю, Землю Франца-Иосифа, на Пинегу, в Мезень, на побережье Белого моря.

Эпопея поиска экспедиции Г.Я. Седова и этюды, связанные со стоянками и зимовками, участие в поисках экспедиций В.А. Русанова, Р. Амундсена и других... Этюд с самолетом Яна Иосифовича Нагурского на Новой Земле, мне запомнился еще тогда - в мастерской. Позднее я многое узнал о Нагурском и даже о том, что он служил у нас на Дальнем Востоке, будучи молодым офицером, в 1909-1910 годах в стрелковом полку в Хабаровске.

Отображая растительный мир, лишайники, ярко-красные цветы среди камней, по которым он боялся ходить, чтобы не помять их, изогнутые полярные березы, красивые, цепляющиеся за камни сосны - все это элементы выживаемости природы в суровых условиях Севера. И эта тема звучит лейтмотивом всей художественной и писательской деятельности мастера.

Писахов у мольберта! Он мне казался загадочным, как и все его творчество. Он и педагог, у него сотни учеников, и он же участник многих исторических событий, где лично защищал честь и достоинство архангельского Севера. О нем постоянно разговаривали в семье, делились впечатлениями. Мать частенько говорила: «Видела Писахова, идущего по Поморской» - получалось, что его мастерская продолжалась у нас дома... К примеру, мой старший двоюродный брат Вячеслав Щербаков учился у Писахова в школе № 3, где Степан Григорьевич преподавал черчение и рисование. И когда они в классе шумели, он заставлял их трудиться, или выставлял из класса, или задавал им чих-пых...

Степан Григорьевич бывал упрямым. Он мог с вами в чем-то не согласиться, мог порассуждать, поспорить и в то же время не был злым. А ведь он в своей жизни был многим обижен, но не терял бодрости духа. Поэтому, как мне кажется, и реализовывался в сказках. К ним придаться трудно - они емкие по смыслу и являются художественными произведениями.

Жил очень скромно. Нуждался, как многие, в военное время. Как-то в очереди за коммерческим хлебом в 1947 году, вспоминал мой двоюродный младший брат Борис Щербаков, Писахов рассорился с женщинами, с чем-то не соглашался, упорно доказывал свое, был очень несговорчивым, раскритиковал их в пух и прах!

Житейские трудности того времени и привели меня в его мастерскую в зиму 1943/44 года. В нашем доме на Поморской снимал комнату летчик, старший лейтенант Александр Кононенко с женой Еленой Сафьян.

Александр был родом из Мелитополя, являлся художником-любителем и когда увидел, что я рисую маслом на холсте, пригласил пойти с ним вместе в мастерскую Степана Григорьевича. Знаю, что летчик - командир эскадрильи очень помогал Писахову с продуктами в голодное время. Эскадрилью вскоре перевели на другой фронт, уехал от нас Александр Кононенко, и более о нем вестей не было. А я так и продолжал ходить в просторную мастерскую Писахова.

Рассматривая картины уже в этом году, в его нынешнем выставочном зале-галерее имени Писахова по улице Поморской, я обнаружил, что Степан Григорьевич, оказывается, многие работы писал на фанере. Неужели не было холстов у художника? Или это дань времени - в Архангельске всегда дерева и фанеры хватало... Может, выезжая на этюды, он брал с собой фанеру, заранее подготавливал к записи этюдов, как мне представляется, беря пример с Николая Рериха? Известно, что в экспедиции в Алтай и затем в Гималаи Рерих брал с собой: фанерки и на них писал этюды, которые в путешествии лучше сохранялись от сырости и механических повреждений. В большинстве у Писахова холст наклеен на картон, а иногда просто на чистую фанеру.

Мастерская художника продолжалась непосредственно в самой природе - на пленэре. Известно, что он много раз выезжал на Кий-остров, где и писал причудливые сосны на камнях. Сколько он ездил по Северу, в скольких плаваниях бывал - трудно даже представить.

«В плаваниях Писахов никогда не был сторонним наблюдателем, все тяготы он делил вместе с участниками экспедиции. Он и в полынье купался, и жил сутками без горячей пищи, управляя шлюпкой в шторм... Многому научился от зверобоев, рыбаков и мореходов. Полюбил их...» - вспоминал его приятель Федор Артемьевич Малыгин, житель мезенского села Койда. Об этом рассказывалось в газете «Правда Севера» 9 января 1991 года, в статье С. Домошенина «Этюд Писахова».

Просматривая каталог к 100-летию со дня рождения художника, обнаруживаешь перечень населенных пунктов Поморья, где работал художник. Это - Усть-Пинега, Зачачье, Кузьмин-городок, Чухчерема, Вавчута, село Тулчас, Мезень, Печора, Иоканьга и, конечно, деревня Уйма. Там он бывал множество раз. Любил посидеть на берегу Северной Двины, уйти от посторонних глаз, попариться в баньке, что-то записать из рассказов селян.

Вспоминаю моих однокурсников из Архангельского судостроительного техникума - Леонида Садовникова и Александра Лушева, уроженцев Уймы, именно они многое рассказывали о приездах в их деревню Писахова, и о «Сене Малине» тоже.

В памяти все остается, и когда я ехал через Уйму на автобусе, первое, что вспомнил: и где теперь банька, где любил бывать этот великий сказочник и художник...

Под мастерской художника и писателя стоит понимать не только замкнутое помещение его необычайно интересного дома, но и широту действия мастера, условия природы и все, что его окружало. Его фантазию, умелость, глубину юмора и знание северной природы.

Не случайно, осмотрев выставку Писахова, великий Илья Ефимович Репин пригласил его в Пенаты поработать. Особо Репину понравилась «Сосна, пережившая бури». Илья Ефимович уговаривал Писахова сделать из картины большое полотно. «Я бормотал что-то о размерах комнаты, - вспомнил Писахов в письме искусствоведу М.З. Бабенчикову от 3 августа 1956 года, имея в виду размеры своей мастерской, - А ведь это огромная честь и признание выдающегося мастера. Товарищи поздравляли, зависть не скрывали. А я не поехал, побоялся, что от смущения не будет силы работать. В 1928 году была моя персональная выставка картин».

ТЯЖЕЛА ОПАЛА

Вернемся к упомянутому выше очерку с таким названием. Как долго длится замалчивание властями великих достижений в творчестве нашего близкого и родного северянина - Степана Григорьевича? Его творчество, соединенное в музыкальности слова и лиричности в живописи, уникально по своей сути и высоте помыслов, идей и гражданственности. Вся жизнь творца в печатном слове и живописи налицо, но вот опала? Кто-то что-то сказал не так? Тысячи дельных даровитых людей безвинно погибли в годы репрессий. Прошла реабилитация жертв репрессий, но вот Писахова всё еще как бы сопровождает опала. Почему? Представляется, что многое здесь в социальной значимости его семьи в прошлом.

Сын богатого ювелира обязательно «враг советской власти», такой ярлык, клеился на всю жизнь, и выхода из этого положения у художника до самой смерти не было. Не печатали сказки, исправляли, нарушая авторское право, годами их держали в издательстве, но не печатали... Персональных выставок не хотели, подразумевали саморекламу личности человека. Происходило умышленное замалчивание результатов творческой жизни человека. Мастер-живописец и сказочник, в своей стране, в своем городе, в своём доме становился чужим, непризнанным, духовно обиженным, растоптанным человеком. И чтобы подняться, этому имени, надо чтобы прошло столетие... Разве это нормально?

При встрече англичан в годы интервенции не угодил большевикам? А разве мало было ошибок, допущенных самими большевиками? Ведь не удрал Писахов за границу, нуждался во многом и оставался в своем литературном и художественном творчестве верен родному Северу... Разве этого мало?

«Писахов сочувствовал эсерам и Временному правительству северной области, куда эсеры та кже входили. По той поре желал видеть в своем городе не диктатуру большевиков, а объединение всех демократических сил. Он был одним из многих тысяч архангелогородцев, с энтузиазмом встречавших усиление власти Временного правительства. И хотя он скоро понял свою ошибку и еще при власти Временного правительства выступил против английских интервентов, против их зверств и оккупации, однако, как оказалось, потом это уже не имело никакого значения. А разве в теперешние времена мало людей поверило в демократию и потом горько разочаровались?»

Именно этот майский день 1919 года стал днем его мнимого предательства в глазах вернувшихся в Архангельск большевиков. Среди них нашлись люди, которые через много лет, когда он уже был известным сказочником и художником, из зависти и мелкой мести стали писать пасквилы во все инстанции. И скоро легенда о встрече интервентов с хлебом-солью выросла уже в его шпионаж в их пользу...» - указывает Арсений Ларионов в очерке, Не зря, на своем творческом вечере в Москве Федор Абрамов по телевидению заявил: «Долго ли еще будем держать в тени сказочника и художника Писахова?» По его мнению, Писахов является шестым сказочником в мире, после Андерсена.

Это теперь каждый волен выбирать себе партию, которую он собирает поддерживать в общественных делах и на выборах.

Перечитывая статью Евгения Салтыкова «Покаянный поклон» в газете «Правда Севера» за 24 июня 1990 года, где рассказывается о могиле художника на Смоленском бугане, хочю заметить, что мало что изменилось в этом вопросе. Оградка вокруг могил разрушена; видно, что за ней никто не следит. Чувствуется запустение, тем более никого из родственников уже нет в живых... Тогда, где же молодежь, литераторы, студенты, учащиеся городских художественных школ?

«БЕЗ ВАС НЕ МЫСЛЮ СЕВЕРА»

Писахов пропагандировал красоту Архангельска и всего Севера. Не все ладно в архитектуре, убранстве, чистоте города. Не видел, не предполагал Писахов, что на любимой его набережной, через каждые сто метров казёнка, палатка с шашлыками, а на Красной пристани,

аж рестораны-поплавки появились и кругом все питейное. И куда смотрит власть города? Не видел сказочник переломанные и разбитые мостки на улице Серафимовича - бывшей Пинежской, на улице Володарского, Суфтина, заросшие крапивой в рост человека. Как надо же заботиться о городе и горожанах, чтобы не видеть всего этого? Вот был бы живой Степан Писахов, вот бы сказки у него получились! Может, следует задуматься над всем этим да сделать достойный памятник С.Г. Писахову! Взять, к примеру, нынешний лозунг Североморска: «Сделаем наш город таким чистым, как палуба корабля»!

Возможно, назвать улицу его именем, может быть, выпустить открытки с его лучшими работами?

Единственная отрада памяти Писахову - это его выставочный зал, и великая благодарность всем тем, кто его организовал! Это реальная и действительная дань великому северянину! И ещё. Нам с братом было приятно видеть в залах Писахова пианино из нашего дома, на котором играл мой дядя - Дмитрий Алексеевич Щербаков, он тоже хорошо рисовал.

С.Г. Писахов был общественно активным горожанином. Он постоянно посещал театральные премьеры, следил за развитием народного творчества. В театре всегда сидел в первых рядах. Часто одет был в темно-синюю блузу с бантом. Белая как лунь голова выделялась среди зрителей. Он был большим театралом, умел тактично подчеркнуть это своим присутствием.

В 1923 году Писахов показывает на Архангельской краевой художественно-промысловой выставке коллекцию из пятисот рождественских «козуль» - ритуальных фигурных печений. Его волнует сходство русских языческих пресновиков с новогодними немецкими пряниками, а того более - изображение на козулях холмогорского крылатого солнца с Египетским, на мезенских - лотосов Индии.

Между эмблематикой стран полуденного, индигового неба и края полярных сполохов обнаруживается изумляющий мифологический параллелизм. Беспokoило художника безразличие этнографов к коллекции в то время.

«Среди патриотов Севера вместе с Писаховым всегда были: Б. Шергин, О. Озаровская, А. Попов, П. Истомина, А. Покровский, Е. Тагер, которые вели борьбу против убогих взглядов на крестьянскую культуру. В противовес этому он и создавал свои сказки», - писал автор Горелов в предисловии книги «Сказы и сказки» Б. Шергина и С. Писахова, вышедшей в издательстве «Современник» в Москве (1985 г., с. 195).

Его посещали в Архангельске, приезжая на Беломорье художники Коровин и Архипов, Кончаловский и Преображенский, позднее Ромадин, Стожаров, Попков.

Постоянно были связаны с Писаховым Переплетчиков, Тыко Вылка, Борисов - оба северяне.

О нем писали писатели Лидин, Казаков, Шергин и многие другие. В любом случае, дух Севера, его образ художника-сказочника, его неповторимая серебряная палитра влекла своей таинственностью на Север.

Писатель Лидин отмечал: «Десятилетиями образ Севера сочетался для меня с домиком на Поморской улице в Архангельске, где жил человек, о котором неизменно говорили так: «будете в Архангельске, побывайте у Писахова и не потому, что он был своего рода достопримечательностью, а потому что помочь понять и почувствовать город северян мог лучше всех Писахов» (см. Рассказы об Архангельске, газета «Северный комсомолец», с. 120).

В одном из писем Леонида Леонова были слова: «Читал присланную Вами книжку сказок и поражался количеством юмора, оптимизма и вообще хорошего, заразительного для читателей настроения. Как видите, и на меня, известного своей мрачной писательской философией, творчество Ваше производит благородное влияние». И было еще добавлено: «Без Вас не мыслю Севера».

Художник в письме обронил фразу: «В Москве мне надо каждый день видеть кремлевские звезды... в Архангельске мне надо видеть Двину».

Откуда у Писахова такое богатство и глубина цветовой лирики, спокойствие и серебристость живописи, такая огромная интеллектуальная сила? Многие объясняется воспитанием, опытом и образованием, на мой взгляд. Посмотрим, как он шел в жизни к своим высотам....

Писахов впервые выставлялся со своими произведениями в Петербурге в 1899 году. А всякая выставка для художника - экзамен, итог его творческой деятельности, позволяющий соизмерить свои возможности.

Художественное образование он получил в училище барона Штиглица (1901-1905), продолжал образование в частной мастерской живописца Я.С. Гольдבלата (1907-1909).

В 1907 году выставлялся в Риме, в академии Святого Луки, где совершенствовал свое мастерство, затем в Парижской свободной академии (1909-1910). В 1910 году он вместе с Н.В. Пинегиним, А.А. Борисовым, Тыко Вылко показали 150 картин в Петербурге на выставке под названием: «Русский Север». В 1911 году Писахов получил Большую серебряную медаль за выставку, организованную комитетом мор-

ских экскурсий. В 1913-1914 годах, он участвует в поисках Г.Я. Седова и В.А. Русанова, а в 1928 году - в поиске Р. Амундсена.

Имея за своей спиной такой творческий багаж, не только русский, но и международный опыт, высокий авторитет гражданина, и вдруг попадает в многолетнюю опалу! Согласитесь, как это подло! Но его любили простые неизвестные северяне, любили и местные писатели-краеведы.

У Бориса Викторовича Шергина в комнате висел небольшой этюд писанный маслом берег Белого моря. Этюд скромный, в серых охристых тонах.

«Степан мне подарил, - пояснял Борис Викторович. - Он ведь Академию Святого Луки окончил. Мастер. Живописец. А художников не любил. «Я, говорит, пейзажист, а вы-то кто такие?»

О Степане Григорьевиче Писахове, необыкновенном нашем сказочнике, истинной жемчужине русской литературы, Борис Викторович говорил всегда ласково, с большой любовью, но вспоминал о нем с улыбкой. Шергина смешила эта писаховская фраза: «Я - пейзажист...» «И действительно, кто они такие? - продолжал Борис Викторович. - Иногда не поймешь. А Степан Григорьевич - живая душа Архангельска, так о нем думал всегда».

Вдумываясь в эту фразу, встречаясь работами Писахова на выставках, убеждаешься, насколько он недосыгаем, и не так уж много у него живописных последователей. Его белые ночи можно проследить и понять только в той среде, где он писал...

Чувственность его лиричности живописного строя, только ему свойственного живописного языка - глубока и неисчерпаема. Трижды побывав в Заполярье, сидя с этюдником среди белых ночей у Белого моря, можно лишь представить серебристо-феерическую картину мира, среду, в которой когда-то работал мой учитель-Степан Григорьевич Писахов.

Источник: Писатели города Комсомольска-на-Амуре.
Лито 2005 г. Книга третья. - «Со-Весть», 2006. С. 514-524.

Литература П.Л. Фефилова, о нем и его творчестве:

Павел Лукич Фефилов автор пяти книг и более 250 публикаций в периодических изданиях: «Художник России», «Наука и жизнь», «Советская культура», «Книжное обозрение», «Дальневосточный Комсомольск», «Панорама», «Советское Приамурье», «Новый Дальэкспресс» и др.

Редколлегия не имеет возможности привести их все и решила отметить немногие, но с таким расчетом, чтобы подчеркнуть разнообразие интересов юбиляра.

П.Л. Фефилов

Индустриальный Комсомольск: Литография // Амурские корабли. - Хабаровск: Кн. изд-во, 1970.-С. 301.

Дерсу Узала проводник Арсеньева / П.Л. Фефилов. - Наука и жизнь (Москва). - 1989. - № 8. - С. 141.

Георгий Седов на Дальнем Востоке / П.Л. Фефилов. - Хабаровск: Приамур. географ, об-во, 1991. - 56 с.

Сердце остановилось на перевале /В.Ф. Зуев, П.Л. Фефилов. - М.: Физматлит, 1995 - 96 е.: ил.

К.А. Гомоюнов - друг и соратник В.К. Арсеньева / П.Л. Фефилов. - Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. - Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 1997. - С. 21-24.

Душа у него молодая... [О В.В. Степанке] // Ургальский характер. - Хабаровск: Частная коллекция, 1999. - С. 240-250.

Фанатик полярных льдов (образ Георгия Седова в фотографиях) // Свежий номер (г. Комсомольск-на-Амуре). - 2006. - 10 мая.

Села Амура в рисунках Павла Фефилова [Альбом краеведения] / Автор рисунков и текста П.Л. Фефилов. - Комсомольск-на-Амуре: ООО «Агора», 2007. - 244 с. с ил.

Что читать о П.Л. Фефилове:

Лановенко, В. Архангелогородец на Амуре // Приамур. ведомости. - 1999. -4 авг.: порт.

Лановенко, В. Виват, Павел Лукич!: [К 70-летию художника] / В. Лановенко // Дальневост. Комсомольск. - 1999. - 05 авг. - С. 13: ил.

Павел Лукич Фефилов // Художники Комсомольской-на-Амуре логанизации Союза художников России. - Комсомольск-на-Амуре, 1999.-С. 28.

Вишнякова, С. Павел Лукич Фефилов / С. Вишнякова. - Комсомольск-на-Амуре, 2001. ил. - 102 с.

Fefilov, Pavel Lukic. Saur Allgemeines Künstler-Lexikon. Band 37 Farafonava - Fejervary. - K. G. Suar: Munchen - Leipzig, 2003. - P. 471-472.

Ремизовский, В.И. 75 лет со дня рождения ПЛ. Фефилова // Время и события:Указ-календарь по Дальнему Востоку на 2004 г. - Хабаровск, 2003.-С. 87-88.

Вишнякова, С.И. Фефилов Павел Лукич // Писатели города Комсомольска-на-Амуре. Книга третья. Авт.-сост. С. Вишнякова. - Комсомольск-на-Амуре: «Со-Весть», 2006. - С. 514: порт.

Васильева, Е. В день библиотек // Кимрская независимая газета (Белый городок Кимрского района Тверской области). - 2006. -1 июня.

Вишнякова, С.И. Обостренная способность видеть и чувствовать мир // Писатели города Комсомольска-на-Амуре. Творческие портреты. Книга четвертая. Авт.-сост. С. Вишнякова. - Комсомольск-на-Амуре: «Со-Весть», 2007.-С. 362-378: порт.

Семенова, А.А. 80 лет со дня рождения Павла Лукича Фефилова // Время и события: календарь-справ, по Дальневост. федер. окр. на 2009 г. - Хабаровск: Д ВГНБ, 2008. - С. 171 -172.

Старый Архангельск в рисунках Павла Фефилова //Домашняя газета (Архангельск). - 2009. - 20 июля.

Доклады и сообщения ПЛ. Фефилова:

1997 г. Доклад на Международ, науч.-практич. конф., посвященной 125-летию В.К. Арсеньева (г. Владивосток) [о К.А. Гомоюнове] // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. - Владивосток: изд-во ДВГНУ, 1997.-С. 21-24.

2000 г. Доклад на Международ, науч.-практич. конф., посвященной 110-летию ПГО имени В.К. Арсеньева. [О знакомстве В.К. Арсеньева с Г.Я. Седовым] // Арсеньевские чтения. - Владивосток: изд-во ДВГУ, 2000.-С. 62-64.

2009 г. Доклад на Гродековских чтениях (Хабаровск).